

Андрей БЛИНУШОВ

«Черный тюльпан»

За время своей армейской службы я столкнулся с Афганистаном дважды. Меня призвали в 1983 году. Из-за разных проблем, в том числе и с КГБ, мне пришлось перевестись на заочное отделение Рязанского педагогического института. И весной 83-го меня призвали и «бросили» в Казахстан в учебную часть, которая готовила специалистов по тропосферной связи, как нам пояснили, конкретно для службы в Афганистане. Там был довольно жесткий отбор, и когда привезли нашу команду из Рязани, состоялась очередная медицинская комиссия и многих людей забраковали. В основном — по зрению. Я уже тогда был довольно близорукий, хотя еще не носил очки. И нас отправили обратно в Рязань с майором одного из районных военкоматов, который беспробудно пил всю дорогу. Три забракованных бойца убежали по дороге в Рязань. Не знаю, какова была их судьба в дальнейшем. Ну а мы, человек пять, доехали благополучно до своего военкомата, и нас отпустили на некоторое время, пригрозив, что раз мы «такие дефективные», отправят нас в самые плохие воинские части. Я был, откровенно говоря, очень рад такому исходу событий. Мне совершенно не хотелось служить в Афганистане. Я и тогда не понимал определения «интернационального долга» в той далекой восточной

стране, не отдавал, может быть, себе полного отчета в происходящих событиях, но совершенно не верил во всю эту пропагандистскую шумиху.

Буквально через 3-4 недели меня призвали вновь, на Урал, в Ижевский гарнизон. Служил я в столице Удмуртии, городе Ижевске Уральского военного округа. По окончании «курсов молодого бойца» попал в специальное подразделение охраны Ижевского гарнизона. Наше отделение было прикомандировано к комендантскому взводу. Комендантский взвод — это что-то типа военной полиции (по западным стандартам). Конечно, не по всем параметрам, но схоже с ней во многих чертах.

Первой и, пожалуй, главной проблемой, с которой я столкнулся в армии, была «дедовщина». Надо сказать, что у нас «дедовщина» не была такой ожесточенной, не было такого зверства, как в других частях, о которых я слышал и читал. Но для меня и многих моих товарищей по несчастью, по службе, пришедших из институтов и университетов, это был довольно тяжелый психологический период. Ежедневное унижение, ежедневная борьба за выживание, ожесточенные драки. Но мы отстояли свою физическую неприкосновенность, хотя вместе с тем попали под своеобразный «рабский» гнет. Мы должны были выполнять самую грязную и черную работу, так как мы категорически не соглашались, чтобы нас били. И поэтому все самое сложное доставалось нам в течение года, это был трудный для нас период.

И через некоторое время после начала службы я столкнулся с Афганистаном во второй раз. Столкнулся в довольно неожиданных обстоятельствах. Из разговоров старослужащих мы слышали о неких «ящиках», о «командировках», о «грузе 200». Тогда мы не очень представляли себе, в чем дело, а из попыток выяснить ничего не выходило, потому что нас старослужащие не любили. Как я уже говорил, мы не позволяли себя бить, не позволяли себя унижать и поэтому к нам относились соответственно. Нас было более 10 человек, мы себя умели защитить, но вынуждены были подчиняться «дембельским закидонам» старослужащих, которых было просто больше. И вот, в качестве наказания, в один не прекрасный день, когда прибежал посыльный с контрольно-пропускного пункта нашего военного городка и сказал, что срочно на КПП необходимо послать несколько человек в командировку по «грузу 200», назвал фамилии нескольких старослужащих, которых вызывал офицер. Но старослужащие, развалившиеся на кроватях перед телевизором, переадресовали эту командировку нам, молодым солдатам, которых надо было наказать за строптивость. Так я в первый раз столкнулся с «Черным тюльпаном».

Мы сели в свой «ГАЗ-66», дежурную машину комендантского взвода, и приехали на аэродром города Ижевска. Это было глубоко полночь. Долгое время мы ждали, офицер бегал по каким-то службам с бумагами. Затем некий прапорщик приказал нам не высовываться из автомобиля. Поехали на взлетное поле к борту самолета АН-2, если мне не изменяет память. Это был «Черный тюльпан», как мы узнали потом. Я до самой последней минуты, как и мои коллеги — «салаги», как называли в армии солдат первого года службы, не знал, что происходит.

Открывшиеся створки самолета, конечно, привели нас в полный ужас, потому что грузовой транспортный борт военно-воздушных сил был заполнен огромными деревянными ящиками в три ряда. В самолете стоял ужасный трупный запах. Нам предстояло выгрузить целый ряд этих ящиков, которые предназначались для Ижевско-

го гарнизона. В самолете нас встретил пьяный прапорщик, а потом к нам подошли два пилота — хмурые ребята, которые поинтересовались, не из похоронной ли мы команды и почему у нас общевойсковые эмблемы на черных петлицах. Это была специфика наших частей, в основном это были строительные батальоны, связисты. Они все носили черный цвет петлиц. Комендантское подразделение, которое носило общевойсковые эмблемы... но это уже ненужные технические военные подробности.

Мы ответили, что мы не из похоронной команды, мы из Ижевского гарнизона. «Ну что ж», — буркнули пилоты и удалились. Пьяный прапорщик зачитывал нам фамилии и тыкал примерно в один из рядов этих деревянных ящиков. Эти ящики я до сих пор вижу перед глазами: сбитые из грубых, плохо пригнанных досок, а сверху корявым почерком химическим карандашом были написаны только фамилии. Мы долго перебирали очень тяжелые ящики и перегружали их в свой 66-ой, который был подогнан прямо к брюху этого военного транспортника.

Старший лейтенант, замполит комендантского взвода, был страшно подавлен, я никогда не видел его таким. Самоуверенный, с закрученными усами, нагловатый, циничный человек, надвинул фуражку на глаза, был очень суетлив и страшно нервничал. Я прямо спросил у него, что это за ящики — это гробы? Он выругался и сказал, что все объяснит потом. Дальше начиналось уж совсем невероятное. Поколесив по городу, мы приехали в городской морг. На наши звонки в дверь выскочило несколько человек. Как я понимаю — дежурный и какие-то практиканты из мединститута, такие молодые люди в белых халатах. Наш офицер оставил нас на улице, мы уже выгрузили эти страшные ящики. Он пошел с какими-то бумагами в морг, там зажгли окна и оттуда заспанные люди с ужасом смотрели на нас.

Открылись двери, была дана команда заносить ящики в морг. Там было огромное количество трупов, а морг был совсем небольшим по размеру, ящики приходилось ставить в коридор, один на другой, рядом стояли каталки с телами. Не помню, сколько в тот раз было гробов.

Старлей долго ругался с принимающим. Из разговоров я понял, что существовала некая дикая процедура. Гробы с телами убитых в Афганистане солдат и офицеров должны были поступить сначала в морг, который выписывал справку у смерти. Я должен подчеркнуть, что морг — в Ижевске, в Удмуртской АССР. И после этого тела отда-

вались родным. Как вы понимаете, в морге не производилось никаких манипуляций с этими телами, но требовались такие формальности — должна быть получена справка из морга, и только после этого тела передавались для захоронения. Это было просто шоком для меня, это было так дико! Я никогда даже в мыслях себе не представлял, что так можно обойтись с солдатами, погибшими за рубежами нашего Отечества. Видимо, это представление было навеяно американскими фильмами, где привозят погибших, накрывают гроб государственным флагом, на него кладут медальку Конгресса, родственникам передают пилотку или форму погибшего, салют над могилой, прочувствованные слова от имени президента и так далее. У меня в голове была такая картинка, а в нашей жизни все оказалось грубее и жестче.

Но самое страшное нас ожидало впереди. Гробы нужно было передавать родственникам. Делалось это глубокой ночью, тайно, по-воровски. Тогда госбезопасность полагала, что надо скрывать от граждан, что наши солдаты и офицеры гибнут на территории чужого государства, в Афганистане, хотя о выполнении «интернационального долга» ежедневно говорили по телевидению.

Это был самый ужасный момент, когда глубоко после 12 ночи, а в первый раз это было, по-моему, после 2-х ночи, к дому привозили гроб, и, несмотря на «тайну», родственники и многие соседи выходили во двор встречать тело. Военкомат в последние часы сообщал им, что их муж, брат, сын погиб в армии при исполнении «служебного долга» и что тело будет доставлено для захоронения родственникам.

Процедура выглядела следующим образом. Подъезжал наш «ГАЗ-66», стояла небольшая стайка родственников и соседей, автомобиль старался их объехать и заехать куда-нибудь за угол дома, давалась команда быстро выгрузить гроб.

Это был огромный ящик более двух метров длиной и около полутора метров шириной, как я уже говорил, из грубо сколоченных досок с двумя поперечными ручками для переноски в торцах, а внутри, на деревянных распорках, был цинковый гроб с грубо проваренным швом, чаще всего без всяких надписей или обозначений.

Меня очень потрясли такие грубо, даже похабно сделанные гробы.

Из инструментов был один гвоздодер и солдатские сапоги, коими нам и было приказано разбивать деревянный ящик, который мы должны были забросить обратно в машину, а цинковый гроб уже нести в квартиру.

В первый раз это было сильнейшим психологическим шоком для меня. Я помню, как мы поднимали этот гроб на шестой или седьмой этаж девятиэтажного дома. Это был вертолетчик, лейтенант, моложе меня почти на год. У него дома была только молодая жена и грудной ребенок. Дверь открыла соседка. Из глубины комнаты на нас смотрели огромные, полные ужаса и слез глаза молодой женщины. Она прижимала к себе ребенка, была бледна, пыталась что-то кричать, но у нее не было голоса. Я до сих пор помню ее лицо, эти глаза из глубины комнаты. Это была колоссальная человеческая трагедия. Мы как-то суетливо занесли гроб в комнату. Жена погибшего не знала, что делать, она положила ребенка на диван, и соседка, такая пожилая женщина, поставила табурет, мы поставили гроб одним концом на табурет, а поставить другой конец было некуда. Соседка побежала на кухню за вторым табуретом, и в этот момент жена вертолетчика взяла ребенка, отошла к противопожоложной стене и дико закричала.

Она кричала так страшно, что у нас всех просто дыхание перехватило. Мы не знали, что делать. Нужно заметить, что старлей наш «рассосался» где-то внизу, он не поднимался с нами. Мы не знали почему, но потом уже, обсуждая эти события, стали догадываться, что ему страшно было идти в такую квартиру.

Молодая женщина упала вместе с ребенком на пол, соседка подбежала к ней, буквально вырвала у нее ребенка и стала кричать кому-то в коридор, чтобы быстрее принесли валерьянку.

Мы прилипли к стене. Жена кричала страшно, начала кататься по полу. К ней подбежала соседка, стала ее держать, уговаривать. По-моему, женщину звали Лена. И мы как-то боком-боком стали «просачиваться» в коридор дома и буквально выбежали по лестнице вниз. А старлей наш, оказывается, спрятался в кунг нашего автомобиля ГАЗ-66, затравленно сидел и покуривал в углу, на солдатской скамеечке.

Он не вышел из кунга, когда мы залезли в него, постучал водителю и сдавленно крикнул: «Трогай!» Машина пошла. Никто не разговаривал. Все переживали увиденное. Это был, конечно, ужасный эпизод. По приезде в подразделение я долго сидел в туалете, курил и думал только об одном — как бы мне забыть хотя бы когда-нибудь лицо и глаза этой женщины.

Этот парень, который был моложе меня и уже погиб... Я курил до тех пор, пока меня не выгнали старослужащие. Весь следующий день прошел как в тумане, только стари-

ки ехидно поглядывали на нас, молодых солдат, которые приняли участие в этой операции. И уже к вечеру кто-то из стариков сказал: «Ну что, салаги, сопли развесили? Все там будем.»

Наши встречи с «Черным тюльпаном» становились все чаще. Я не могу сейчас вспомнить, это было уже почти 15 лет назад, как много тел нам пришлось привозить в Ижевск, потом перевозить в другие города Урала.

Это было огромное количество трупов солдат и офицеров, но у меня лично чувство ужаса, чувство какой-то непонятной вины перед этими людьми не проходило.

А затем мы стали встречаться с сопровождающими. Сопровождающий — это офицер или прапорщик из части, где служил погибший, которого командование направило родственникам. Как я понял, сопровождалась чаще всего тела людей, которых наградили орденами. Вероятно, это была инициатива командиров тех частей, очевидно, нормальных людей, которые понимали, что родственникам необходимо узнать, как погибли близкие им люди, как они провели свои последние часы, какова была их служба.

С большинством сопровождающих удавалось наладить контакт. Мне хотелось узнать, что же на самом деле происходит в Афганистане, почему оттуда приходят эти страшные гробы, которые у нас назывались «груз 200». Я помню одного офицера, по-моему, капитана, молодого парня, вертолетчика, который привез своего товарища по эскадрилье.

Это была очень долгая командировка, мы часами ждали борта «Черный тюльпан» на аэродроме, потом борт почему-то очень долгое время не пускали под разгрузку. Уже глубокой ночью мы везли гробы в морг. Этот совершенно подавленный офицер, сопровождающий, попросил закурить. Мы с ним заговорили. Долгие часы мы стояли у морга, и этот капитан начал понемножку рассказывать мне о буднях службы вертолетчика в Афганистане.

Показал фотографии, которые он тайно вывез оттуда. Он первым рассказал мне, что из Афгана нельзя вывозить фотографии боевых действий и вообще фотографии на фоне афганской местности, но ему позволили привезти комбинезон и головной убор погибшего, и в карманах этой формы, покрытой толстым слоем афганской пыли, он вывез фотографии.

На снимках были brave ребята, одетые в удивительное смешение военной и гражданской формы, в каких-то платках на шее и голове — как рейнджеры из американских фильмов, обвешанные всевозможным

оружием, на фоне разбитых дувалов в кишлаках. Конечно, я поинтересовался, что это за руины, и капитан рассказал мне, что им приходится при уничтожении караванов и при разоружении так называемых «бандформирований» стрелять и по кишлакам.

Вертолетчик также рассказал мне, что часто они видят трупы женщин и детей, но не был уверен, что они погибли от их рук, что, может быть, их убили душманы. Я спросил, зачем душманам убивать своих родственников. Капитан не отвечал, долго курил, молчал. Но чувство страха, казалось, толкало его на разговор со мной. Он спрашивал, как часто нам приходится привозить тела, что при этом происходит, как на это реагируют родственники. И спрашивал у меня, «зеленого» солдата, как ему вести себя с ними — с родственниками.

Он не знал, что им сказать, он просто боялся. Наконец мы приехали к нужному дому. С нами был прапорщик Пузыркевич, старшина нашего подразделения, который, выйдя из кабины «бб-го», сразу получил удар в челюсть, его фуражка покатила в лужу.

У дома погибшего собрались родственники и соседи, мужчины были взвинчены, уже, похоже, пьяны. Женщины закричали: «Убийцы! Кого вы нам привезли? Где наш мальчик?» Прапорщика ударили еще раз, ногой. Он упал под колесо. Мы бросились, чтобы защитить его, сцепились руками и стали сдерживать эту даже не толпу, а небольшую, но очень агрессивную стайку людей. И говорили: «Не надо, пожалуйста, не трожьте его, он ни в чем не виноват.»

Сопровождающий капитан замер в кунге «бб-го», спрятавшись. По-моему, прапорщику тогда даже губы разбили, он сидел такой потерянный у колеса, утирал кровь. В нас тоже вцепились какие-то мужчины, женщины закричали: «Не надо, не трожьте солдатиков, они такие же несчастные, они ни в чем не виноваты!»

Наконец мужчин оттащили, они успокоились. Через некоторое время мы «развернули» ящик. Прапорщик от нас убежал, спрятался в кустах или в каком-то из подъездов. Были только солдаты и тот бедный капитан-сопровождающий, который боялся выглянуть из машины. В тот раз мы особенно аккуратно разбирали деревянный ящик, чувствуя на себе взгляды родственников погибшего.

Когда мы поднимали тело по лестнице, шли медленно, потому что гроб был очень тяжел. Нас догнал капитан. Родственники поднимались на лифте. Капитан сказал: «Ребята, пожалуйста, только не уходите сразу. Побудьте там со мной». Мне было очень жалко этого человека. Капитан втиснулся за нами в квартиру.

Мы разместили гроб в комнате, где было очень много родственников погибшего и соседей. Вся квартира была заполнена людьми. Почти все были в черном. Мужчины были «под газом», все зеркала — завешены, раздавался громкий плач.

Капитан стоял в прихожей и ожесточенно мял свою фуражку. Я подошел, как мне показалось, к одной из родственниц погибшего и сказал: «Извините, но капитан прилетел из Афганистана, он служил с вашим... парнем». Женщина бросилась к нему и очень участливо, плача при этом, сказала: «Простите, пожалуйста, что так получилось, понимаете, он у нас единственный...» Капитан что-то забормотал, она тут же потащила его на кухню, загремела какими-то кастрюлями, холодильником. Он говорил: «Нет, не надо, пожалуйста, я не хочу есть!» Она: «Ну что вы, такая дальняя дорога... Садитесь, расскажите о нем», и слезы при этом текли у нее ручьями.

Капитан как-то так сиротливо, жалобно оборотался на табуретке, посмотрел на меня — мы уже толпились в коридоре, собирались уходить. Капитан попросил: «Ну пожалуйста, ну останься, попей хотя бы с нами чаю!» Я оглянулся на ребят.

Сержант пробормотал, что пора ехать. «Прости, но... — мы уже как-то к тому времени с капитаном стали на ты — нам надо уезжать.» Он вышел в коридор, попрощался со мной очень тепло и прошептал: «Как мне страшно оставаться здесь одному». Я не помню, что я пробормотал ему в ответ. Наверное, что-то типа: «Держись!»

По-моему, капитана звали Николай: «Держись, Николай! Все будет хорошо! До свидания!». И мы уехали.

Много было еще командировок, много гробов...

Потом я и мои приятели-коллеги перешли в разряд старослужащих и просто перестали ездить на «груз 200», перестали летать на «Черном тюльпане» — это стало обязанностью молодых солдат.

Мне казалось, что все увиденное мною нельзя потерять, я старался записать все события, связанные с «Черным тюльпаном», даже попытался писать что-то вроде повести. Поделился с некоторыми бойцами моего призыва, кто-то из них «стукнул». Вскоре в бюро пропусков, начальником которого я тогда служил, заявился некий тип из особого отдела. Меня «взяли» и я попал в руки чекистов капитана Мочалова и подполковника Примакова. Гэбисты изъяли все мои записи по Афганистану, все письма, которые потом уже не удалось вернуть. Но это уже, как говорится, совсем другая история...